

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2024.51.38.031

**Последнее слово подсудимого в российском уголовном процессе****Чулкова Дарья Сергеевна**

Аспирант,  
Сыктывкарский государственный  
университет им. Питирима Сорокина,  
167001, Российская Федерация, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55;  
e-mail: chulkovad@mail.ru

**Аннотация**

В статье представлен анализ последнего слова подсудимого в контексте действующих регламентов уголовного процесса. Цель работы – в привлечении внимания специалистов к последней речи подсудимого как действенному правовому инструменту института защиты в российском праве. Если судебные прения можно назвать дуэлью судебных речей представителей сторон уголовного процесса, то последнее слово подсудимого способно стать логическим акцентом всей стратегии, принятой для позиции стороны защиты. От того, насколько логично и последовательно выстроена концепция защиты или обвинения во многом зависит позиция суда. Однако, по мнению автора этой статьи, не стоит преувеличивать значимость красноречия судебной речи. Именно строгое наличие предмета этого вида публичной речи отличает судебную речь от аналогичных форм дискурсивной практики. Особый акцент делается на преимуществах и рисках выбора формы организации судебного процесса с участием присяжных заседателей, в котором аудиторией подсудимого выступает не только профессиональный суд, но и менее беспристрастный участник в виде присяжного. Делается вывод о том, что последнее слово подсудимого для цели правосудия должно быть логически выверенным и аргументированным. Последнее слово приобретает особую ценность в качестве инструмента правовой защиты если становится веским правовым контраргументом позиции стороны обвинения.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Чулкова Д.С. Последнее слово подсудимого в российском уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 11А. С. 268-274. DOI: 10.34670/AR.2024.51.38.031

**Ключевые слова**

Последнее слово подсудимого, правовые механизмы, система правосудия, уголовный процесс, защита, институт защиты, судебная речь, судебная практика, статистика.

## Введение

Последнее слово подсудимого в российском уголовном процессе регламентируется нормой ч.ч.1 и 2 ст. 293 УПК РФ и включает два прямых запрета для представителей судебного процесса в отношении подсудимого во время его речи перед вынесением приговора. Во-первых, недопустима постановка каких-либо вопросов к подсудимому, когда ему предоставлено последнее слово. Во-вторых, последнее слово не подлежит ограничению по времени, с одной оговоркой, в случае если подсудимый выходит за предмет судебного разбирательства. Нарушения этих положений влечет отмену приговора и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство с новым составом суда.

## Основная часть

Отметим, что отмена приговора вследствие нарушения ст.293 УПК РФ встречается в судебной практике достаточно регулярно. Сошлемся на примеры судебной практики при апелляции решений суда первой инстанции в высшем судебном органе – Верховном Суде Российской Федерации – по фактам нарушения положений ст. 293 УПК РФ.

Решение Нижегородского областного суда в отношении осужденных В.Н.Б., Г.Н.Н. с участием присяжных заседателей от 30 июня 2015 года было отменено в том числе с учетом нарушений ч.2 ст.293 УПК РФ. Наряду с иными основаниями для отмены приговора по судебному решению на приговор Нижегородского областного суда, осужденный по ст. ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы В.Н.Б. ссылается на следующее обстоятельство: «...во время судебного следствия, в прениях и в последнем слове судья не давал ему донести до присяжных заседателей то, что он хотел сказать в свою защиту, прерывал его и Г.Н.Н. при выступлении в прениях и в последнем слове, не давал защищать себя».

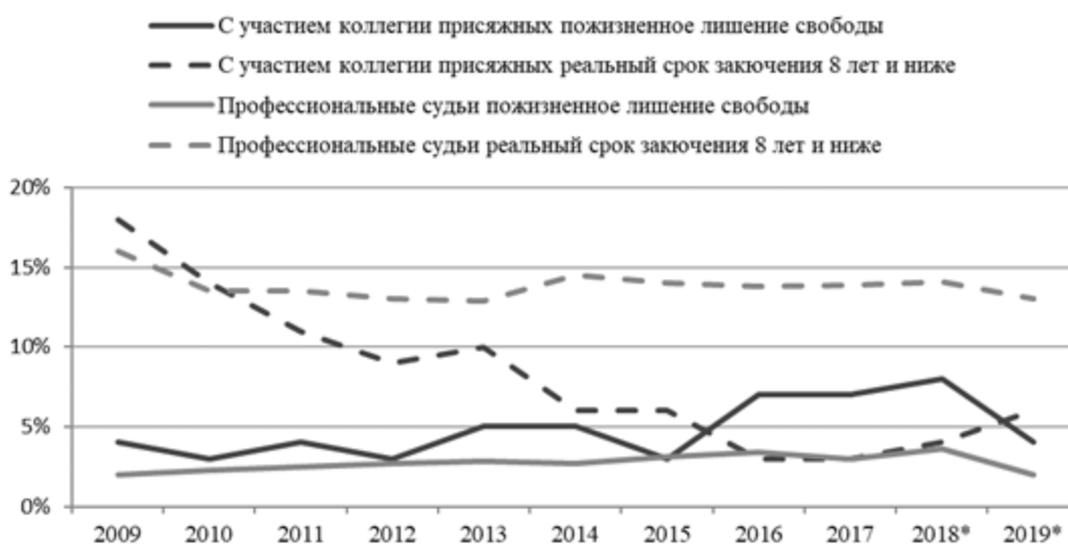
По результатам апелляционного рассмотрения дела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что «...действия председательствующего, который останавливал подсудимых, не соответствовали требованиям ч. 2 ст. 293 УПК РФ и при отсутствии на то оснований ограничивали подсудимых в их праве на защиту при выступлении в последнем слове».

Судебная речь, когда целевой аудиторией выступает профессиональный судейский корпус – это один вариант судебного дискурса. Совершенно иная риторика судебной речи присуща стороне защиты и подсудимому в заседании с участием присяжных заседателей. Желание подсудимого каким-либо образом повлиять на решение суда, если ставка в последнем слове делается на красноречие и эмоциональное воздействие на присяжных с целью смягчения наказания либо отказа признать вину подсудимого, также малоэффективна, поскольку по своему содержанию не соответствует сущности правосудия. Даже эмоционально насыщенные, но безосновательные аргументы, ограниченные утверждением о недоказанности вины, любая иная тактика защиты подсудимого в последнем слове, без аргументированных доказательств, становится приемом риторики, но не соответствует правовой сущности судебной речи. И в этом смысле она лишается своей цели в уголовном процессе. Не будем забывать основное назначение стратегии последнего слова – воздействие на судей (присяжных) с целью вынесения судебного акта в пользу подсудимого. Поэтому обратимся к анализу особенностей последнего слова с учетом иного состава аудитории – с участием присяжных заседателей.

Выбор судебного заседания с участием присяжных достаточно выраженная тенденция в

институте защиты российского уголовного права. Это обусловлено низким, а точнее, ничтожным уровнем оправдательных приговоров в России. В суде присяжных вдвое повышается шанс быть оправданным. Однако и риск вынесения более сурового назначения наказания при обвинительном вердикте пропорционально возрастает. По мнению достаточно большого числа исследователей, отраженному в позиции Е.А. Ходжаевой, «судьи неформально наказывают за то, что подсудимый выбрал более затратную форму судопроизводства, и одновременно посылают сигнал остальным обвиняемым осторожнее относиться к ходатайствам о суде присяжных» [Ходжаева, 2020].

На диаграмме достаточно выражен тренд с 2018 года, сформированный с момента принятия по инициативе президента РФ в 2017 году Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»». По итогам очередной реформы уголовно-процессуального законодательства ходатайствовать о таком суде получили лица, чьи дела отнесены к юрисдикции районных судов (см. рисунок 1).

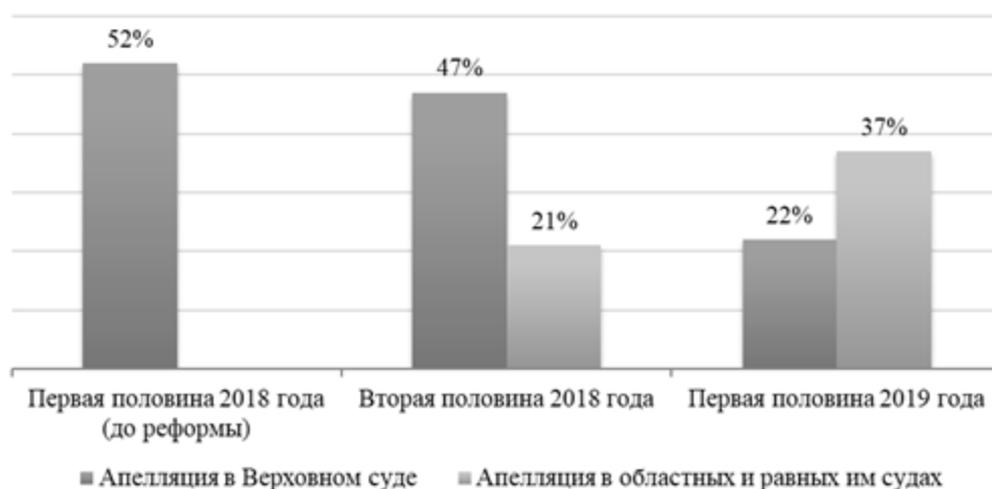


\*Данные за первое полугодие. Источник: Составлено автором на основании [там же]

### Рисунок 1 - Динамика показателей назначения наказания при рассмотрении судами присяжных или судьями единолично по отдельным категориям преступлений

Еще одна правовая тенденция, которую стоит учитывать при подготовке стратегии защиты подсудимому, исходя из оценки судебной ее перспективы – уровень рисков по отмене оправдательных решений, которые значительно отличаются от статистики отмены обвинительных решений на кассационном уровне.

Оправдательные вердикты районных судов с участием присяжных до реформы составляли 52% (т.е. каждый второй оправдательный приговор был отменен при обжаловании в ВС РФ. (Рис.2), с 2019 года за счет отмены оправдательного вердикта с участием решений суда присяжных в областных судах и приравненных к ним, статистика возросла до 68% (см. рисунок 2).



Источник: Составлено автором на основании [там же]

### Рисунок 2 - Доли отмененных оправдательных вердиктов в вышестоящих судебных инстанциях

В соответствии с приведенными данными становится совершенно очевидно, что стратегия оправдания, если она строится на внеправовых тактиках воздействия на судебную аудиторию, если и имеет судебную перспективу, то незначительную.

Аргументация последнего слова и логика высказывания подсудимого должна иметь под собой неопровержимую доказательную базу. Именно это, а не факт риторического искусства стороны защиты и самого подсудимого в последнем слове должно быть положено в основу построения тактики судебной речи.

Возвращаясь к регламентации последнего слова нормой статьи 293 УПК РФ, отметим и существующий в ней, по мнению специалистов А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, пробел в законе.

В ней не сформулирован запрет на возможность подсудимого ссылаться на недопустимые доказательства [Смирнов, Калиновский, 2009, 58]. Следовательно, в последнем слове подсудимый может заявить о новых обстоятельствах, указать на новые источники доказательств или сведения, которые не исследовались судом, но имеют важное значение для уголовного дела. В таком случае суд должен возобновить судебное следствие [там же, 59].

Председательствующий в силу ст. 243 УПК РФ вправе останавливать подсудимого в случае, если тот употребляет неприличные выражения либо высказывает угрозы в адрес других участников судопроизводства и т.п.

Следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 3 ст. 258 УПК РФ подсудимый не может быть удален из зала судебного заседания без предоставления ему права на последнее слово.

Защитительная речь в силу функциональной специфики стороны защиты всегда направлена на поиск обстоятельств, смягчающих и исключаящих наказание либо обстоятельств, влекущих освобождение лица от наказания. Несмотря на то, что защитительная речь может быть ограничена устной формой изложения концепции защиты, и нет формальных предписаний обязанности предоставлять суду письменные тезисы речи, следует учитывать, что ее краткое письменное изложение может усилить позицию стороны, поскольку «повышает шанс удовлетворения в приговоре просьбы о смягчении участи подсудимого, позволяя суду принять

к сведению не только собственно просьбу, но и ее обоснование» [Лазарева, 2009, 191].

Рассмотрим возможность применения такой тактики в рамках стратегии снижения наказания. Уголовным законодательством предусмотрена возможность «при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления назначение наказания более мягкого» (ч.1 ст.64 УК РФ), чем предусмотрено санкцией статьи, под которую подпадает инкриминируемое подсудимому деяние.

Имидж как «случайно оступившегося» – достаточно типичная тактика в стратегии смягчения наказания в последней речи подсудимого. В избранной для этого тактике акцент делается на случайном характере сложившихся обстоятельств, способствовавших возникновению преступления. Типичным при этом также является усиленное внимание к психологическому портрету подсудимого, его социальным достижениям, что в совокупности подчеркивает случайность события и отсутствие дальнейшей возможности угрозы общественной опасности. Такой пример приводит Е.Н. Зарецкая из защитительной речи адвоката: «мой подзащитный молодой парень, бывал в местах боевых действий, имеет награды, удостоверение ветерана, характеризуется положительно, к административной ответственности не привлекался (защитительная речь)» [Зарецкая, 2002, 58].

Существует, помимо «психологического подхода», еще и «филологическая» интерпретация судебной речи как формы красноречия. Однако, как было уже замечено ранее, судебный процесс – это своего рода правовая технология, осуществляемая по нормам морали и нравственных принципов организации общественного устройства. Правовой институт – это юридическая матрица, в которой совпадет форма и способ истолкования законодательства. И речи самого А. Плевако в современной системе правосудия не могли бы достичь, при всей гениальной стратегии, своей цели. Требуется при их определении исходить не только их формального духа законодательства, но и искусства интерпретации норм.

Парадоксально, но эта особенность формирует базу для злоупотреблений в судебной речи. Поскольку председательствующий обязан в соответствии с ч.2 ст.336 УПК РФ при упоминании какой-либо из сторон «запрещенных» доказательств прервать судебную речь и заострить внимание присяжных, что они не имеют право принимать во внимание изложенные аргументы, то такое двойное внимание к фактам, не подлежащим применению, действует противоположным образом. Внимание присяжных в этом случае концентрируется на признанных недопустимыми доказательствах и, во-вторых, присяжные тем более запоминают то, чего не должны. Использование таких приемов вполне можно назвать тактикой использования запрещенной информации.

## Заключение

Итак, если судебные прения можно назвать дуэлью судебных речей представителей сторон уголовного процесса, то последнее слово подсудимого способно стать логическим акцентом всей стратегии, принятой для позиции стороны защиты. От того, насколько логично и последовательно выстроена концепция защиты или обвинения во многом зависит позиция суда. Однако, по мнению автора этой статьи, не стоит преувеличивать значимость красноречия судебной речи. Именно строгое наличие предмета этого вида публичной речи отличает судебную речь от аналогичных форм дискурсивной практики. Правовая сущность судебной

речи состоит в:

а) безусловной логичности и непротиворечивости аргументации, основанной на допустимых доказательствах;

б) соответствии по форме и сущности нормативным требованиям процессуального законодательства;

в) направленности стратегии и тактики на установление истины в рамках правового регулирования.

Последнее правило также применимо и к речи при оправдательной стратегии в случае отказа подсудимого признать вину. В интересах защиты подсудимого не оставлять без анализа и оценки ни один из аргументов обвинения. На этом принципе и должна выстраиваться речь подсудимого в его последнем слове.

## Библиография

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу №5-АПУ15-72 от 29 сентября 2015 года.
2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу №83-АПУ13-16 от 16 января 2013 года.
3. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу №9-АПУ16-1СП от 18 февраля 2016 года.
4. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002. 480 с.
5. Лазарева В.А. Теория судебной речи. Самара, 2009. 123 с.
6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2009. 346 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023).
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023).
9. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ и статью 1 ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 29.12.2017 № 467-ФЗ.
10. Ходжаева Е.А. Суды присяжных в официальной статистике: аналитический обзор. СПб., 2020. 20 с.

## The last word of the defendant in the Russian criminal procedure

**Dar'ya S. Chulkova**

Postgraduate,  
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,  
167001, 55, Oktyabrskii ave., Syktyvkar, Russian Federation;  
e-mail: chulkovad@mail.ru

### Abstract

The article presents an analysis of the last word of the defendant in the context of the current regulations of the criminal process. The purpose of the work is to attract the attention of specialists to the last speech of the defendant as an effective legal instrument of the institution of defense in Russian law. If judicial debates can be called a duel of judicial speeches by representatives of the parties to a criminal trial, then the last word of the defendant can become the logical emphasis of the entire strategy adopted for the position of the defense. The position of the court largely depends on how logically and consistently the concept of the defense or prosecution is built. However, one

should not exaggerate the importance of the eloquence of judicial speech. It is the strict presence of the subject of this type of public speech that distinguishes judicial speech from similar forms of discursive practice. Particular emphasis is placed on the advantages and risks of choosing the form of organizing a trial with the participation of jurors, in which the audience of the defendant is not only a professional court, but also a less impartial participant in the form of a juror. It is concluded that the last word of the defendant for the purpose of justice must be logically verified and reasoned. The last word acquires special value as an instrument of legal defense if it becomes a compelling legal counter-argument to the position of the prosecution.

### For citation

Chulkova D.S. (2023) *Poslednee slovo podsudimogo v rossiiskom ugovnom protsesse* [The last word of the defendant in the Russian criminal procedure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (11A), pp. 268-274. DOI: 10.34670/AR.2024.51.38.031

### Keywords

Last word of the defendant, legal mechanisms, justice system, criminal process, defense, institution of defense, judicial speech, judicial practice, statistics.

### References

1. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po ugovnomu delu №5-APU15-72 ot 29 sentyabrya 2015 goda [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal case No. 5-APU15-72 dated September 29, 2015].
2. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po ugovnomu delu №83-APU13-16 ot 16 yanvary 2013 goda [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal case No. 83-APU13-16 dated January 16, 2013].
3. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po ugovnomu delu №9-APU16-1SP ot 18 fevralya 2016 goda [Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal case No. 9-APU16-1SP dated February 18, 2016].
4. Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v stat'i 30 i 31 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF i stat'yu 1 FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RF v svyazi s rasshireniem primeneniya instituta prisyzhnykh zasedatelei» ot 29.12.2017 № 467-FZ [Federal Law “On amendments to Articles 30 and 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law “On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the expansion of the use of the institution of jurors” dated December 29, 2017 No. 467-FZ].
5. Khodzhaeva E.A. (2020) *Sudy prisyzhnykh v ofitsial'noi statistike: analiticheskii obzor* [Jury trials in official statistics: analytical review]. St. Petersburg.
6. Lazareva V.A. (2009) *Teoriya sudebnoi rechi* [Theory of judicial speech]. Samara.
7. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. (2009) *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow.
8. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 27.11.2023)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on November 27, 2023)].
9. *Ugolovnyi kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 27.11.2023)* [Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 27, 2023)].
10. Zaretskaya E.N. (2002) *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoi kommunikatsii* [Rhetoric: Theory and practice of speech communication]. Moscow: Delo Publ.